

в основе юридических процессов. Отсюда и возведение устности судебного разбирательства в неотъемлемый принцип состязательной модели судопроизводства. В этом как раз и проявляется дань символического уважения Слову.

Но времена безраздельного царства «слова» уходят. Уходят в мире обыденном, уходят и в уголовном процессе. И этот уход вряд ли растянется на века; приближающаяся цифровая платформа не позволит. Важно понимать, что «цифропись» это не просто удобное технологическое приложение к «слову»; это не средство и не цель: это — мировоззренческая идея. Идея, которая непременно прорастет идеологической революцией в самом уголовном судопроизводстве. Поэтому не следует удивляться, что «электронные доказательства» (как первые признаки материализации «цифрописи») на сегодняшний день это не столько юридическое понятие, сколько метафора, задающая общее направление поиска новых идеологических основания для методологической революции в теории доказательств и практике доказывания.

Идея «цифрописи» еще только-только начинает материализовываться в новую уголовно-процессуальную технологию, способную составить достойную конкуренцию технологии, основанной на формальной логике, усиленной традиционной письменностью. «Цифропись» становится знаком современного мира, предвестником цифрового правосудия.

Но идея «цифрописи» не может полноценно прорасти на уровне привычной физики и традиционной юриспруденции. Интерпретируя эту идею в контексте привычных юридических понятий и устоявшегося мировоззрения, трудно разглядеть суть, которая порождает предпосылки методологических перемен в доказывании, для которых слово «волшебство» является вполне подходящим. Чтобы увидеть эту суть, нужен не технологический подход, а подход идеологический.

Возможно, кому-то покажется странным, но идеологические предпосылки для «цифрописи» сложились еще в древние времена, но корректируются запросом из будущего. Поэтому саму эту идею нужно оценивать в особом историческом, футурологическом и культурном контексте, не игнорируя иррациональных нюансов. И уже отталкиваясь от этих концептуальных представлений, двигаться к технической и юридической оболочкам «цифрописи» в уголовном процессе.

Идея «цифрописи», обнаруживающая себя в современной юридической теории через понятие электронных доказательств, знаменует начало новой «волшебной» эпохи в доказывании, возвещает приближение новой электронной эры в судопроизводстве, эры таинственной и пугающей и вместе с тем многообещающей.

P.S. В англо-саксонских странах очень почитается молитва: «Господи, дай мне спокойствие принять то, чего я не могу изменить, дай мне мужество изменить то, что я могу изменить. И дай мне мудрость отличить одно от другого».

Нам не отменить, не изменить экспансии «цифрописи» в уголовное судопроизводство. И, следовательно, не нужно расходовать научное мужество на сопротивление неотвратимому. Вся мудрость юридической науки должна быть направлена на то, чтобы гипотетическое волшебство «цифрописи» обратить в реальное чудо цифрового уголовного процесса.

Аблеев Сергей Рифатович, доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Кузьминская Светлана Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, доцент Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Цифровые технологии в системе образования: проблема дегуманизации

В современной России в сфере образования, как и в экономике, укрепилась аксиологическая парадигма радикального модернизма, согласно которой всякая инновация априори является благом. На самом деле все, конечно, не так просто и реальная картина использования тех или иных инноваций порой выглядит вовсе не однозначно и далеко не позитивно. Вполне очевидно, что да-

леко не каждое техническое или социальное новшество обладает исключительно прогрессивными свойствами¹.

Трансформация российского образования происходит не только под знаком Болонского процесса или нескончаемой смены ФГОС, но и под влиянием развития информационных технологий. Какие же новые информационные технологии сейчас активно внедряются в систему среднего и высшего образования и действительно ли они меняют ее в лучшую сторону? Прежде всего, надо отметить дистанционное проведение учебных занятий (дистанционное образование); компьютерное тестирование, в том числе в режиме онлайн; наукометрический анализ результатов творческой работы преподавателя и ученого (количество опубликованных работ, индексы цитирования); формальные проверки на оригинальность дипломных работ студентов (антиплагиат); широкое применение компьютерной техники и мультимедийных систем на лекционных, семинарских и практических занятиях.

Трудно отрицать некоторые преимущества отмеченных и других информационных технологий, опирающихся на возрастающие возможности компьютерной инфраструктуры и глобальных систем связи. Однако в данном случае хотелось бы обратить внимание, как говорится, на обратную сторону медали, о которой апологеты технического прогресса и всяких инноваций предпочитают умалчивать. Эту обратную сторону мы условно обозначаем как «технологическая дегуманизация образования», что означает тенденцию, направленную на вытеснение живой творческой личности учителя или преподавателя из учебного и воспитательного процесса и замещение его некими техническими средствами и компьютерными технологиями.

Реформаторы образования начали забывать, что подавляющее большинство выдающихся деятелей мировой духовной культуры и педагогики в самые разные эпохи подчеркивали основополагающую роль учителя в образовательном процессе. Вот, например, весьма недвусмысленная позиция известного русского религиозного мыслителя Василия Розанова, который в своей работе «Сумерки просвещения» совершенно справедливо отметил: «Школа — это только и всецело учитель: учитель — это, во-первых, учитель — во-вторых, учитель — в-третьих, и только, в-четвертых — программа, штат, здание»². К этим словам можно добавить, что не только средняя, но и высшая школа, разумеется, предполагает фундаментальную роль и духовный потенциал учителя (профессора, доцента). Без него она не может существовать как культурное, научное и просветительское учреждение.

Другой важный аспект состоит в том, что в результате тотального погружения в электронную информационную среду молодой человек лишается возможности получать и накапливать реальный социально-коммуникативный опыт, который необходим любому индивиду для успешной реализации полученных знаний в социальном пространстве³. Умение договариваться, находить компромисс, слышать другую точку зрения, отстаивать свою позицию, работать в команде, понимать законы субординации, следовать установленным правилам, уважать чужое личное пространство, проявлять эмпатию, признавать свои ошибки, нести ответственность за общее дело — это лишь некоторые крайне важные навыки, которые формируются у человека в результате прямого и непосредственного взаимодействия со сверстниками и педагогами. Примечательно, что этот неформальный социально-культурный опыт, как правило, оказывается не менее, а иногда и более значимым, чем простая информированность относительно какого-либо предмета⁴, полученная на основе электронного образовательного контента.

Вполне очевидна и еще одна проблема: электронная образовательная среда не способна в должной мере выполнять воспитательную функцию системы образования. Между тем следует напомнить, что классическая русская педагогическая традиция всегда предполагала не столько простую передачу знаний новому поколению, сколько его всестороннее духовное воспитание или встраивание в культурно-историческую и ценностную парадигму российского общества (М.В. Ломоносов, В.С. Соловьев, Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский, П.Д. Юркевич, Л.Н. Толстой, С.А. Рачинский, В.А. Сухомлинский, Ш.А. Амонашвили и др.).

¹ Аблеев С.Р. Моделирование сознания и искусственный интеллект // Вестник экономической безопасности. 2015. № 3. С. 58—64.

² Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 217.

³ Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Специфика и тенденции массовой культуры: анализ основных аспектов // Вестник науки Костанайского социально-технического университета им. академика Зулхарнай Алдамжар. 2002. № 3. С. 95—98.

⁴ Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Язык и ценности массовой культуры // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 14—17.

Выдающиеся отечественные философы и педагоги совершенно однозначно указывали на невозможность вывести воспитание за рамки образовательного процесса. Так, известный русский философ и публицист Иван Ильин в одной из своих работ весьма точно и справедливо отметил: «Образование без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно дает в его распоряжение жизненно выгодные возможности, технические умения, которыми он, — бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, — и начинает злоупотреблять»¹. Возникает ощущение, что это было сказано не сто лет назад, а сегодня — в отношении некоторых дипломированных, но совершенно бескультурных выпускников университетов, не усвоивших даже элементарные формы поведения образованного человека в приличном обществе.

Сторонники онлайн-технологий в образовании постоянно утверждают, что современные электронные программы обучения успешно обеспечивают доступ студента к неограниченным объемам информации, позволяют компоновать учебный материал в зависимости от потребностей аудитории, предоставляют новые инструменты контроля успеваемости.

С формальной точки зрения это действительно так. Безусловно, машина без труда быстро посчитает количество правильных ответов на любое тестовое задание, определит процент успеваемости и освоения пройденного учебного материала. Однако главный вопрос заключается в том, насколько такая оценка будет соответствовать действительному положению дел.

Прежде всего, надо признать, что определение сформированности многих сложных компетенций и навыков с помощью формальных тестовых заданий не представляется возможным. Это задача, по крайней мере, на современном этапе, не имеет научного (методологического) решения. Тем не менее бюрократический аппарат системы образования делает вид, что никакой проблемы здесь не существует. И, например, во время аккредитации университета проверяет с помощью отвлеченных тестов то, что подобной проверке принципиально не поддается и не должно подлежать.

Как проверить, в частности, следующие общекультурные компетенции: «способность критически осмысливать социальные процессы» или «способность использовать достижения мировой духовной культуры для формирования собственного мировоззрения и духовного совершенствования»? По мнению бюрократически мыслящего чиновника это вполне можно сделать с помощью компьютерного теста. А по нашему глубокому убеждению, это возможно проверить только в реальной практической жизни, то есть через соответствующий социальный опыт, который выходит за рамки формализованного учебного процесса.

Электронные системы обучения предполагают жесткую стандартизацию и регламентацию образовательного процесса. Они неизбежно нивелируют персональные особенности ученика или студента и загоняют его разум в далекую от реальной жизни компьютерную дидактическую матрицу. Живой духовный процесс обучения, сакральное таинство развития скрытых способностей души приобретает вид обезличенной технологической штамповки или форматирования сознания, подобно механическому производству деталей на заводе. Однако в отличие от детали или компьютерной системы человеческое сознание всегда индивидуально и многослойно, а потому требует персонального подхода со стороны внимательного наставника.

Треушников Илья Анатольевич, доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии Нижегородской академии МВД России;

Грязнова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теологии Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина

Право в информационном пространстве: основные противоречия и проблемы

Прежде чем говорить о праве в информационном пространстве, остановимся на основных теоретических моментах обозначенной проблемы. Согласно цивилизационному подходу исторический процесс делится на четыре типа цивилизации: архаическую, аграрную, индустриальную и

¹ Ильин И.А. О воспитании и образовании в грядущей России. Значение веры в педагогике. М., 2018.